
Научная статья
УДК 398 (470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-114-122

**СИМВОЛИКА ВОЛОС В ЭПОСЕ АДЫГОВ
(на примере образа Гуашагаг)**

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются художественные формы и способы отражения символики волос в историко-героическом эпосе адыгов. Исследование проводится на примере анализа образа княгини Гуашагаг в соотнесении с аналогичными образами во многих культурных традициях. Цель работы – выявление древних взглядов, которые связаны с символической знаковостью волос и их связь с мотивами позднего происхождения. В связи с этим, устанавливается связь в едином повествовании идеи высокого божественного начала с идеями нравственно-моральных и этикетных норм в создании образа названной героини. Так, отмечается, что образ Гуашагаг содержит сакральные основы, указывающие на ее божественную природу, и на то, что данный персонаж является носителем эстетических и этических ценностей традиционного феодального адыгского общества. Основное внимание в статье уделяется системе духовных ценностей, связанных с идеалом семейной идиллии, женской верности, мудрости и остроты ума. Таким образом, делается вывод, что при создании данного образа задействованы мотивы как архаические, так и позднего происхождения. Важным итогом проведенного анализа является признание того, что символика волос сформировалась в глубокой древности; в историко-героическом же эпосе она реализуется как средство художественной выразительности.

Основные принципы исследования опираются на положения зарубежных, отечественных и адыгских исследователей, рассматривавших данную проблему под разными углами. Актуальность выбранной темы состоит в попытке выявления уникальности проявления символа волос в системе адыгского историко-героического эпоса. Анализ проводится с использованием структурно-сопоставительного и культурологического метода. Практическая значимость работы состоит в том, что данная статья может стать небольшим дополнением для более полного представления о знаковой системе адыгского фольклора.

Ключевые слова: мифологические представления, историко-героический эпос, песни, предания, художественные формы и способы объективации, символы и знаки, волосы, мифические богини, Малечипх, Гуашагаг

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Символика волос в эпосе адыгов (на примере образа Гуашагаг) // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 114–122. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-114-122

Original article

**HAIR SYMBOLISM IN THE ADYGHE EPIC
(USING THE EXAMPLE OF THE IMAGE OF GUASHAGAG)**

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of

the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2024

Abstract. The article examines artistic forms and ways of reflecting the symbolism of hair in the historical and heroic epic of the Circassians. The study is carried out using the example of analyzing the image of Princess Guashagag in correlation with similar images in many cultural traditions. The purpose of the work is to identify ancient views that are associated with the symbolic significance of hair and their connection with motifs of late origin. In this regard, the connection is established in a single narrative of the idea of a high divine principle with the ideas of moral and etiquette norms in creating the image of the named heroine. Thus, it is noted that the image of Guashagag contains sacred foundations indicating its divine nature, and that this character is a bearer of aesthetic and ethical values of the traditional feudal Adyghe society. The main attention in the article is paid to the system of spiritual values associated with the ideal of family idyll, female fidelity, wisdom and sharpness of mind. Thus, it is concluded that both archaic and late motives are involved in the creation of this image. An important result of the analysis is the recognition that the symbolism of hair was formed in ancient times; in the historical and heroic epic, it is realized as a means of artistic expression.

The basic principles of the study are based on the positions of foreign, domestic and Adyghe researchers who have considered this problem from different angles. The relevance of the chosen topic consists in an attempt to identify the uniqueness of the manifestation of the hair symbol in the system of the Adyghe historical and heroic epic. The analysis is carried out using a structural-comparative and culturological method. The practical significance of the work lies in the fact that this article can be a small addition for a more complete understanding of the iconic system of Adyghe folklore.

Keywords: mythological representations, historical and heroic epic, songs, legends, artistic forms and methods of objectification, symbols and signs, hair, mythical goddesses, Malechiph, Gouashagag

For citation: Khagozheeva L.S. Hair symbolism in the Adyghe epic (using the example of the image of Guashagag). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 114–122. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-114-122

Как известно образ Гуашагаг неоднократно становился объектом пристального изучения адыгских ученых. Однако, несмотря на это, некоторые особенности этого персонажа до сих пор остаются малоисследованными. В частности, нет работ, в которых раскрыты символы, характеризующие ее образ. Как показывает анализ материала, среди них особое место занимают символы, описывающие красоту героини. В этом плане наше внимание привлекает символика волос героини, уходящая своими корнями в глубокую древность. Эта особенность, в ряду с другими, позволяет установить, что в образе Гуашагаг, одного из типичных персонажей позднего эпоса, сохранились сакральные черты героев архаического эпоса, и они во многом определяют ее суть и природу. Чтобы выявить такие древние корни, мы сделали попытку определить истоки, функции и роль архаичного символа в создании образа героини в едином повествовании с мотивами более позднего происхождения.

Изучение адыгского фольклора в плане определения места женщины в традиционном обществе показывает ее высокий статус. В мифологических представлениях четко просматривается связь образа женщины с божественной силой, и этот мотив находит отражение во всех жанрах фольклора. В мифопоэтических представлениях мировое древо – образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Вертикальная структура пространства подчеркивается отнесением каждой части дерева к трем мирам – верхнему (ветки), среднему (ствол) и нижнему (его корни). Образ *Жыг-Гуашэ* (Дерево-Богиня) – в адыгской мифологии выступает вариантом мирового древа и дерева познания. Она становится воплощением женского образа, делит космическое пространство по горизонтали и вертикали. «*И лъабжьэр кууэ цылым хэту, и цхьэцыр пшэм хуэдэу уэгум иту, и лутыр цылухуэу, и нэглур*

дахэм я нэхь дахэу, дыщэмрэ дыжынымрэ кыыхэццЫкЛауэ. – Нижняя часть глубоко в земле, а верх – это волосы, поднявшиеся в небо, словно облака, руки – человеческие, лицо – самое прекрасное из прекрасных, из золота и серебра отлитое» [Нарты I 2012: С. 117, 119]. Дерево-Богиня является воплощением женской чистоты и красоты. Кроме того, охватывая все три космические зоны, она обладает высокими знаниями всех трех миров. Как видим, через образ Дерева-Богини передается вера в божественную женскую силу. Образ героини из другого древнего сказания, ЩхьэццЫццэ-дахэ – Черноволосой Красавицы, тоже наделяется божественной женской природой, которая передается через магию длинных черных волос. «...и нэклум кыырих нурым мазэм хуэдэу жэщыр егъэнэхур, и щхьэцц фЫццлэр и гупэмкцэ кыыридзыхым махуэр жэщыым хуэдэу кЫфцл ещлЫр – свет от ее лица, как луна освещает ночь, а когда она перебрасывает свои черные волосы наперед, день становится ночью [Нарты 1974: 113, 118]. Соответственно, волосы Черноволосой Красавицы – олицетворение ночи и обладают магической силой связанной с небесными светилами. Как видим, сакральное начало в образе актуализируется через магию волос женских персонажей. Здесь каждый женский образ уникален и выражает особенности древнего мышления. А в эпосе эта мифологическая характеристика в женском образе выступает регулятором высоких моральных ценностей функционирующего общества. Так, сакральная основа, связанная с длинными волосами Гуашагаг, доходящими до пяток, стала одной из ее особенностей. В сочетании с идеальным знанием и соблюдением тонкостей этикетной системы и олицетворением женской верности, эта особенность стала символом ее уникальности и катализатором общественных нравственных норм того периода, в котором создавался весь цикл.

Чтобы доказать данную версию, обратимся к художественной характеристике волос этого прекрасного персонажа. В ряде вариантов песни и предания о Каншоби и Гуашагаг устойчиво подчеркивается, что ее волосы длинные и доходят до пяток, и что они золотистого цвета:

Данагъуэурэ, уо-о, си щхьэццЫгъуэишхуэр,

Лъэдакъэпитцмэ нызэдэтоуэ –

Золотисто-шелковые, уо-о, мои длинные волосы

На две пятки ниспадают (*перевод – наши*)

[ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 687-ф/7, кас. 292; инв. № 505-ф/1, кас. 334; инв. № 646-ф/29, кас. 914 и др.].

Обладание длинных чудесных локонов здесь не случайно. Как известно, вместилищем души представлялись разные части тела человека или животных, или же различные предметы [Ципинов 2012: 191]. Сюда входят и волосы на голове и на теле человека. Ранее В.Я. Пропп писал, что «волосы считались местонахождением души или магической силы» [Пропп 1986: 136]. Исходя из таких суждений «считается, что волосы – символ жизненной силы человека, и что в них сосредоточены все его добродетели» [Кагаров 1913: 58-59]. Данное мифологическое представление закрепилось в фольклоре многих народов. Например, согласно еврейской легенде о Самсоне, герой был наделяется божественной силой, заложенной в его волосах. По отношению к нему стоял запрет на удаление волос. Если отрезать волосы, он потеряет силу. Самсон представлен героем-освободителем угнетенного еврейского народа. Однако он влюбляется в филистимлянку – девушку из народа, с которым он враждует. Ее соплеменники уговаривают девушку на предательство ради денег, и она разведывает тайну волос своего возлюбленного. Так, ему отрезают волосы, и он теряет свою чудодейственную силу. Таким образом, враги расправились с Самсоном [Мифы... 1980, 1982]. Связь физической силы или сверхъестественных способностей героя с волосами – мировая

мифо-фольклорная универсалия. На фоне этого в приметах появляется запрет стричь волосы в определенные дни или в определенное время суток и при определенных ситуациях. Пережитками данного суеверия в современном обществе можно считать запрет стричь волосы женщинам во время беременности. Также мотив волос представлен и в сказках как вместилище души. Например, в богатырской сказке «Три Магамета» когда герою отрезают волосы, он погибает [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 1037]. Образ военного атрибута – клочка волос (*акIэ*) на голове или просто волос, который встает и поднимает шапку богатыря в состоянии гнева, выступает в эпосе как показатель силы и мужества, а также как двойник его обладателя. Такой художественный прием применяется и к усам эпических героев. Так, встречается описание того, как усы богатыря грозно взъерошиваются, когда их обладатель в гнев. Всадник Дзахуш, оскорбившись преимуществом силы нартского старика, которым потом оказался бог-демиург Тхагаледж, «разневался, глаза его засверкали звездами, *усы встопорицились...* (къэгубжьаш, и нитIыр вагъуэу къылыдыкIаш, и *пацIэкIитIым зырасэри...*)» [Нарты I 2012: 110, 111]. В цикле сказаний об Андемиркане в сюжете его встречи с князем-противником, от гнева у него волосы на голове поднимают шапку. А в одном из вариантов сказания так и говорится, что «когда он (Андемиркан) сердился, *его волосы становились дыбом и поднимали его шапку* – (ар къэгубжьам и *щхъэцым зыкъырисэти, пыIэр къыIэтырт)*» [Адыгские... 2019: 283, 284]. В предании о двух братьях Ешаноко Жанакету не давала покоя весть о славе и мужестве братьев. Он приехал к ним и породнился с ними клятвой дружбы. Жанакет был в плохих отношениях с князьями. На одном из праздников собрались все князя Кабарды. Жанакет задумывает угнать их лошадей вместе с братьями Ешаноко. Он прикинулся бродягой и зашел в комнату, где они сидят. Когда кто-то из князей приказал выгнать бродягу, от гнева волосы на его голове встали дыбом и подняли шапку [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Кол. 663-ф/28, кас. 528].

Помимо этого, образ золотых волос или золотых усов в эпосе также акцентирует уникальность героя и его приближенность к небесам, заодно он становится художественным средством идеализации главного героя. В качестве примера можно привести песню историко-героического эпоса:

*(Рэ-ией, маржэ) ныдоIэбейр,
(уэр) и щхъэцыгъуэишхуэри (тIэ) къречыж (жи),
(Уей, маржэ) йоIэбыхыжыр,
(уэр) и куафэишхуитIри (тIэ) къречыж (жи) –*

*(Ра-ией, маржа) руки подняв, [она]
(уар) свои золотые волосы длинные (та) рвет (жи),
(Уей, маржа) руки опустив, [она]
(уар) свои бедра большие (та) щиплет (жи)
[НППИНА III-2 1990: 138, 140].*

Употребление их в эпическом контексте также позволяет создать контрастные образы и идентифицировать его в оппозиции «свой/чужой»:

*Дыцэ мыгъуэр зи пацIэкIитIым
щIы фIыцIэр къырагъэгъуэт,
щуIэгъэкIэ дызыгъуэтыжыр
дырагунэ пацIэц. –*

*Золотосуе храбрецы
заброшены черной землей,*

Нас же берут в наложницы
усатые драгуны
[АПВКВ 2014: 149].

Важно отметить, что цветовая символика содержит сакральную идею, поэто-му значительную роль имеет и цвет волос. Как мы знаем, темные волосы соотно-сятся с земным миром, а золотистые с небесным. Так, в мифологических пред-ставлениях «белый, желтый, и его цветообозначение золото/золотистый, красный/рыжий/огненный», как известно, олицетворяется с солярной атрибутикой и оце-нивается всегда положительно. Именно поэтому многие божества адыгского пан-теона (Амыш, Тхагаледж, Тлепш, Пшимазитха, и др.), герои (Сосруко, Бадинок и др.) и героини (Акуанда, Малечипх и др.) нартского эпоса, и историко-героиче-ского эпоса (белолицые с желто-шелковыми волосами, златоусые и т.д.) представ-ляют символы данного порядка. Так, подтверждается, что золотые волосы Гуаша-гаг – особое качество, означающее ее исключительные свойства.

Таким образом, первичные символы и образы, закрепленные в символах во-лос, сохранились в народном сознании и находят выражение в адыгском фоль-клоре, в частности, в образе Гуашагаг. Очевидно, что это вера в ее магическую силу и в ее неземное происхождение. Это в очередной раз доказывает, что дан-ный персонаж стоит в одном ряду с древними персонажами, имеющими са-кральную природу.

В связи с этим, стоит обратить внимание на важную особенность образа Гуа-шагаг. В ряде вариантов предания о Каншоби и Гуашагаг говорится, что героиня является также редкой обладательницей одной длинной волосинки, в других ва-риантах двух или трех волосинок, на груди, который был любимой забавой для Каншоби. Во многих случаях подмену супруги он узнает по отсутствию данно-го элемента на теле женщины. Таким образом, народное сознание ярко выражает магическую особенность героини и выделяет ее среди остальных. Так как «в пер-вобытной магии волосы рассматривались как могущественные талисманы, как двойник (заместитель) человека» [Маковский 1996: 404], этот необычный волос на теле Гуашагаг выступает как ее субститут. Примечательно, что здесь симво-лика цвета играет свою важную роль. В одном из вариантов преданий отмечено, что на теле Гуашагаг росли две длинные волосинки, один волос был белого цвета, другой красного [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 601-ф/16, кас. 644]. Исходя из вы-шесказанного, белый волос здесь олицетворяет мудрость и ум женщины, а крас-ный отождествляется с огнем, сверкание которого соотносится с золотом, солнеч-ными лучами, что в свою очередь является признаком избранности.

Помимо этого, образ Гуашагаг выделяется художественным приемом чудес-ного рождения, также связанный с мотивом волос. Он широко распространен в фольклоре многих народов. В одном из записей адыгского писателя Камбиева Джафара, информант сообщает, что Гуашагаг при рождении была вся обвита во-лосами. К сожалению, этот материал не был предоставлен в архив ИГИ КБНЦ РАН, и мы вынуждены сослаться на устную информацию. Данное сообщение мы привели, в целях подтверждения факта, что символика волос занимает всесторон-нюю и ведущую роль в строении образа Гуашагаг.

В данном случае уместно вспомнить про уникальность волос Малечипх, од-ной из героинь архаического нартского эпоса. Отметим, что в создании данного образа тоже первостепенную роль играет мотив волос. В варианте сказаний одна коса у Малечипх с красно-золотым отливом, другая с бело-золотым отливом [Нарты 1974: 405]. В другом варианте у нее «половина головы красная, как <пышущий> жар, половина головы белая, как снег» (Перевод – А.М. Гугова) [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 663-ф/6, 7]. Белая половина головы ассоциируется с мудростью, а красная с жизненной силой и божественностью.

Магические свойства волос Малечипх напоминает некоторое сходство с героиней сказки «Рапунцель» (англ. от нем. Rapunzel). Рапунцель – заключенная в башне принцесса с длинными золотистыми волосами, которые светятся и имеют волшебную силу исцелять людей и омолаживать. Сказка была записана братьями Гримм. В системе классификации народных сказок Аарне-Томпсона этот сюжет имеет номер 310: «Дева в башне» [Thompson S 1961]. По Фрейзеру этот мотив сопоставляется с мотивом изоляции девушек во время месячных очищений [Фрейзер 1980: 563]. В.Я. Пропп и Фрейзер указывают, что эти девушки относятся к «избранным». Эта «избранность» состоит в магической силе их волос. Поэтому они заточены в башне и им запрещено стричь волосы, так как это может привести к потере их волшебной силы [Пропп 1986: 136; Фрейзер 1980: 563]. Например, когда отрезали косу у Рапунцель, золотой окрас ее волос сразу поменялся на темный, и они потеряли свою чудодейственную силу (см. ст. Хагожеевой Л.С. Архаические мотивы в цикле Малечипх // Вестник КБИГИ. 2020. № 2 (45). С. 124–132).

Схожие образы мы находим в мифических воззрениях разных народов. Например, в мифологии литовцев богиня-покровительница – Дейве, в древнегреческой мифологии – богиня Афина, в валлийской – озерные девы гуараггеданнон, в германо-скандинавской – богиня плодородия Сиф. Символом славянского бога Велеса является колос, который олицетворяет девичьи косы. К тому же, интересно, что одна из них, абхазская златокудрая Дзыдзлан, была богиней, которой молодые девушки поклонялись в надежде обрести супруга [Мифы... 1980, 1982]. Считаем неслучайным, что общей мифологической особенностью этих богинь и наших героинь эпоса является обладание волшебными длинными волосами золотистого цвета. А общей духовно-философской идеей является – мудрость, женская хитрость, тяга к справедливости, воинственность и плодовитость. Золотые волосы олицетворяют их божественное начало, женскую магическую силу и мудрость. А свойства характера воинственных богинь объединяет и образы самих Малечипх и Гушагаг, которые сражаются за справедливость и сохранение своей семьи, тем самым олицетворяя семейную идиллию и супружескую верность. Таким образом, мотив волос в образе эпических героинь обозначает совокупность божественных признаков и нравственных качеств. Малечипх остается невестой для нареченного мужа, и отклоняет всех женихов, и в супружеской жизни эта верность в ней сохраняется и крепнет. Она становится второй половиной для своего мужа, способна понимать мужа и распознать все его знаки. Гушагаг до последних дней сохраняет верность своему возлюбленному, и отказывается выходить замуж за другого. В одних вариантах она всю свою жизнь мучается в ожидании возвращения любимого [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 668-ф/1, кас. 276 и др.], в других отправляется на поиски своего мужа и заканчивает жизнь самоубийством, чтобы не подчиняться воле своего брата, который хотел вернуть ее и выдать замуж за другого [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 666-ф/3, кас. 266]. В единичном случае, она на чужбине находит своего Каншоби, и остается жить с ним и его второй женой кумычкой, которая вылечила его от ужасной болезни [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. 646-ф/16, кас. 901 переход на инв. 646-ф/17, кас. 902].

Мы видим, что архаическая уникальность героини, связанная с божественной силой в позднем эпосе переплетается с мотивами позднего происхождения, выражающими нравственные и интеллектуальные идеи. На фоне этого процесса фантастические черты образа переформируются в более приземленные качества. По этому поводу А.М. Гутов пишет: «представления об эпическом идеале со временем эволюционируют и на завершающей стадии дают образ героя, обладающего только человеческими – в рациональном смысле слова – чертами: силой, мужеством и что немаловажно, рыцарским благородством» [Гутов 2009: 45]. То есть, с развитием мышления народа и сменой запросов нового времени, меняются и приоритеты общества. С этим связано присвоение знания и соблюдения

принципов этикетных правил эпических Малечипх и Гуашагаг уже с раннего детства, что выгодно выделяло их среди сверстников. В связи с этим, система духовных ценностей, выраженных в цикле Малечипх отражает стереотипы народного мышления, связанные с чертами идеальной жены и женской порядочности. Эти потребности общества во многом определяют задачу героини эпоса. Так, специфическая уникальность Малечипх связанная с ее маленьким ростом является символом ее острого ума. Эта черта в сочетании с умением говорить афористическими фразами, знанием тонкостей адыгского этикета, подчеркивает ее интеллектуальные способности и является олицетворением женского остроумия и хитрости. Кроме того, способность быть опорой для своего мужа и понимать его с полуслова сделала образ показателем женской верности и любви. А в вариантах преданий о Каншоби и Гуашагаг, этот мотив становится сюжетообразующим. Каншоби во многом обольщают эти добродетели в героине, и впоследствии, она становится его супругой. В одном из преданий Каншоби приезжает в Кабарду за новыми знаниями, с целью познания норм и правил адыгского этикета. В одном из вечерних посиделок с князьями он встречает воспитанную и добропорядочную Гуашагаг и задумывает на ней жениться. Но, так как его социальное положение не давало ему шансов на сватовство, тот решается украсть ее [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 2288/3, кас. 559; инв. № 601-ф/16, кас. 644 и т.д.]. В другом варианте Каншоби, по старинному обычаю, который еще бытовал в те времена (согласно рассказу информанта), приезжает к старому другу своего покойного отца, чтобы тот вместо него дал ему сопутствующие советы по жизни, остается жить у него какое-то время. У старика были две дочери. Каншоби влюбляется в добрый нрав красавицы Гуашагаг, которая отличалась от своей сестры порядочностью и этикетными знаниями. Девушка отвечает ему взаимностью, и он похищает ее. Когда отец Гуашагаг узнает, что жених это Каншоби, он дает согласие на замужество [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 666-ф/3, кас. 266]. В другом предании весть о воспитании Гуашагаг в духе этикетных правил дошла до Каншоби и он твердо задумывает, во что бы то ни стало сделать ее своей женой. Однако он побоялся, что за нее могут назвать большой калым, который он не сможет осилить и будет опозоренным. Тогда он нанимается к ним во двор конюхом, чтобы найти какую-то возможность жениться на Гуашагаг. За время пребывания в доме Кашоби приглянулся и Гуашагаг и тогда с согласия самой девушки он крадет ее [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. 646-ф/16, кас. 901 переход на инв. № 646-ф/17, кас. 902]. В следующем варианте предания Каншоби в одном из походов встречает у дороги группу маленьких девочек. Одна из них помочилась прямо на дороге, по которой едут всадники. Другая выбежала туда, и присыпала постыдное место пылью. Увидев это, мужчина был поражен воспитанностью ребенка и, понимая, что из нее выйдет порядочная супруга, узнает, кто она и из какого рода, чтобы сделать ее своей женой по совершеннолетию. Этой девочкой была Гуашагаг. Как и предполагалось, из нее вышла благочестивая девушка с этикетными принципами, и у нее появилось много женихов. Тогда Гуашагаг устраивает испытание для них. Каншоби достойно проходит его, тем самым завоевывает сердце девушки. После этого они становятся супругами [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 668-ф/1, кас. 276].

Таким образом, символ волос в образе Гуашагаг отождествляется с образами мифических богинь, характерной особенностью которых является ум, мудрость, и воинственная тяга к справедливости. Эта общая черта с другой стороны стала обозначать и главный символический портрет героини – непорочную женскую чистоту, верность и благонравность. Кроме того, это еще и знаковое оружие Гуашагаг, закрывшей своими длинными волосами обнаженное тело перед Каншоби. Когда он попросил ее пройти перед ним нагой, в надежде, что это отвратит его от тяги к ней, чтобы вынужденное расставание с любимой не было столь горестным, Гуашагаг, не имея возможности послушаться мужа, выкинула волосы вперед

и закрыла свое тело, когда шла к нему лицом, затем закинула их назад, когда пошла спиной [ФА ИГИ КБНЦ РАН. Инв. № 687-ф./5, кас. 290; инв. № 687-ф./6, кас. 291 и др.]. Здесь уместно провести параллель с исландской златовласой Хельгой, волосы которой были настолько длинные, что они закрывали все ее тело. По характеру она спокойна и благосклонна, хотя и является богиней смерти. Даже в подземном мире она учредила порядок, покой и красоту. Можно считать, что во многом эти добродетели импонируют женщине для создания и сохранения семейной идиллии и вплетены в образ Гуашага.

Таким образом, мы приходим к выводу, что мотивы, возникшие на базе ценностей позднего эпоса в сочетании с архаическими элементами, служат своего рода строительным материалом для формирования ряда героев эпоса, в частности женских образов. Так, древняя мифологическая основа, связанная с символом волос, подчеркивает сакральную природу ее обладательницы и во многом определяет суть сложившихся в традиционном обществе стереотипов. В художественном тексте эпоса они образуют органически единое сочетание. Этим определяется главная особенность и уникальность образа самой Гуашаг.

Список источников и литературы

АПВКВ 2014 – Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. второе дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: «Печатный двор», 2014. 656 с.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

Кагаров 1913 – *Кагаров Е.Г.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская типография, 1913. 326 с.

Маковский 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. 430 с.

Мифы... 1980, 1982 – Мифы народов мира. Энциклопедия: в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, Т. 1: 1980. 671 с.; Т. 2: 1982. 719 с.

Нарты 1974 – Нарты. Адыгский героический эпос / сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М.: Наука, 1974. 415 с.

Нарты I 2012 – Нарты. Адыгский эпос. Ранние циклы эпоса. Сосруко / сост., перев., коммент. Бухурова М.Ф., Гутова А.М., Налоева З.М., Табишева М.А., под. общ. ред. А.М. Гутова. – Нальчик: «Телеграф», Т. 1. 2012. 423 с.

НПШИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4 томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под общ. ред. Е.В. Гиппиуса. Т III. Ч. 2. М.: Сов. Композитор, 1990. 485 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

ФА ИГИ КБНЦ РАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Фрейзер 1980 – *Фрейзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 528 с.

Ципинов 2012 – *Ципинов И.А.* Феномен уязвимости как элемент образостроения персонажей мифо-эпической традиции адыгов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 1 (45). 2012. С. 191–196.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

References

Adygskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya. Tom pervyj. Andemirkan [Adyghe historical and heroic songs and legends. Volume one. Andemirkan] / comp., transl., comment. Bukhurova M.F., Gutova A.M., Khagozheyeva L.S. Under. total ed. A.M. Gutov. Nalchik: Editorial and publishing department 2019. 430 p. (In Adyghe and in Russian)

Adygskie pesni vremen kavkazskoj vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Ed. second augmented. Under total. ed. V.Kh. Kazharova. Nalchik: «Printing House», 2014. 656 p. (In Adyghe and in Russian)

GUTOV A.M. *Narodnyy epos: traditsiya i sovremennost'* [Folk epic: tradition and modernity]. Naichik: KBIGI publishing house, 2009. 228 p.

KAGAROV E.G. *Kul't fetishej, rastenij i zhivotnyh v Drevnej Grecii* [The cult of fetishes, plants and animals in ancient Greece]. SPb.: Senate Printing House, 1913. 326 p.

MAKOVSKY M.M. *Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoyevropeyskikh yazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in indo-european languages: image of the world and worlds of images]. Moscow, 1996. 430 p.

Mify narodov mira. Enciklopediya: v dvuh tomah [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in two volumes]. Ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Sov. encyclopedia, T. 1: 1980. 671 p.; T. 2: 1982. 719 p. (In Russian)

Narty. Adygsij geroicheskiy epos [Narts. Adyghe heroic epic]. Comp. A.I. Alieva, A.M. Gadagatl, Z.P. Kardangushev. – Moscow: Nauka, 1974. 415 p. (In Adyghe and in Russian)

Narty. Adygsij epos. Rannie cikly eposa. Sosruko [Narts. Adyg epic. Early cycles of the epic. Sosruko] / comp., transl., comment. Bukhurova M.F., Gutova A.M., Naloeva Z.M., Tabisheva M.A. Under. total ed. A.M. Gutov. – Nalchik: “Telegraph”, T. 1. 2012. 423 p. (In Adyghe and in Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Adyghe and in Russian)

PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnnoj skazki* [The historical roots of fairy-tale]. Leningrad: Publishing house of Leningrad state university, 1986. 365 p. (In Russian)

FA IGI KBNTS RAN – *Fonoarhiv Instituta gumanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]

FRASER J. *Zolotaya vetv'. Issiedovaniye magii I religii* [Golden branch. Study of magic and religion] / Translation from English by M.K. Ryklin. Moskow: Politizdat, 1980. 528 p. (In Russian)

TSIPINOV I.A. *Fenomen uyazvimosti kak element obrazostroyeniya personazhey mifoepicheskoy traditsii adygov* [The phenomenon of vulnerability as an element of image-building of characters in the mythical-epic tradition of the Circassians] *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. No. 1 (45). 2012. P. 191–196.

THOMPSON S. *The types of the folktale. A classification and bibliography*. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p. (In English)

Информация об авторе

Л.С. Хагожева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.